Ты мое счастье

Автор:
Ася Лавринович

Ты мое счастье

Ася Лавринович

Young Adult. Инстахит

Вот уже девять лет Майя Михайлова безответно влюблена в Богдана – любимца девушек, эксцентричного выпускника театрального института. Но Богдан, кажется, никогда не думал о ней как о девушке, ведь она – младшая сестра его лучшего друга.

В надежде сблизиться с парнем Майя решается на необдуманный поступок: сбегает из дома, чтобы помочь Богдану найти настоящего отца. Вместе им предстоит проделать долгий путь, полный приключений, а также найти ответ на самый важный вопрос: в чем же заключается счастье?

Ася Лавринович

Ты мое счастье

Иллюстрация на переплете Е. Баренбаум

© Ася Лавринович, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава первая

Мое наваждение началось почти девять лет назад. Как сейчас помню тот день. На дворе октябрь, под ногами ворох желтых и красных листьев. На мне – любимые резиновые сапоги с героями мультсериала «Клуб Винкс». Сапоги совсем новенькие, розовые, блестящие… Бабушка подарила мне их на день рождения. Я знала, что все девчонки в классе мечтают о таких же.

Мама повезла близнецов на плановый осмотр в поликлинику, и мне предстояло одной дойти до городского парка, где ждал старший брат. Оттуда, уже вдвоем, мы должны были отправиться на юбилей к бабушке.

Я пинала яркие опавшие листья и чувствовала себя невероятно взрослой и самостоятельной. Только подумать: сама закрыла дверь на все замки, одна проехала в лифте, который, если честно, всегда вселял в меня ужас, да еще и перешла несколько опасных перекрестков. Разумеется, как учили родители, – на зеленый свет. И вот очутилась в осеннем парке, где ветер гнул лысые березы. Мы с Витей договорились встретиться у аллеи, которая вела к аттракционам. Брат в это время обычно возвращался из музыкальной школы. Я уже представляла себе накрытый бабушкой праздничный стол: соленья, картофель с курицей, любимый Витькин салат с кукурузой. А еще торт с розовыми масляными розочками. Бабуля покупала его на каждый свой день рождения.

Листва под ногами приятно шуршала: «Шур-шур-шур….» Мне всегда нравился холодный осенний воздух, который приятно щекочет ноздри. В парке пахло утренним дождем. Я подняла голову и посмотрела на неподвижные серые тучи. Помню, что тогда подумала: «Вот тот миг, который нужно надолго запомнить. Словно в эту секунду случится что-то судьбоносное…» И это случилось.

Внезапно кто-то схватил меня за капюшон и потянул на себя. Я попятилась. Резиновый сапог скользнул по комку грязи, отчего я едва не потеряла равновесие, но меня тут же подхватили и резко развернули. Шапка сползла на глаза. Поправив ее, я огляделась. Передо мной стояли несколько взрослых парней из нашего района. Один из них, тот, что схватил меня за капюшон, с белесыми бровями и ресницами, был сыном маминой знакомой. Я не раз слышала, как мама, отчитывая Витьку, припоминала этого белокурого парня. «Ты же не хочешь закончить как сын Поликарповой?» – строго спрашивала она у

брата. «Сына Поликарповой» выгнали из школы за драки и прогулы, он курил, пил и промышлял разбоем. О последнем я точно не знала, хотя догадаться было несложно. Для чего им еще останавливать в малолюдном осеннем парке младшеклассницу в ярких резиновых сапогах? Парни, гадко ухмыляясь, переглянулись.

– А я тебя знаю, – зачем-то сказала я «сыну Поликарповой». Нет бы прикусить язык. Но в первую секунду, увидев знакомое лицо, я даже не запаниковала. – Моя мама…

Увидев, как хищно сверкнули глаза белобрысого, я все-таки замолчала. Нехорошо подставлять близких родственников. В голове тут же всплыли кадры из голливудских фильмов, которые смотрели папа и Витя. Про преступления и программу защиты свидетелей. Даже если станут пытать, маму не выдам.

– Что твоя мама? – насупился «сын Поликарповой». Он склонился ко мне, и я почувствовала кислый запах перегара.

– Ты что, Карп, с этой малолеткой знаком? – забеспокоились его приятели.

– Да с чего бы? – «сын Поликарповой» сплюнул себе под ноги на промерзлую землю. – Откуда бы я ее знал? Ей же лет шесть!

– Вообще-то мне уже девять! – не на шутку оскорбилась я.

– Пофиг мне, сколько тебе. Че ты там про маму вякала?

– Моя мама вам покажет! – пригрозила я.

Парни снова переглянулись и противно заржали. От их громкого хохота будто пелена спала с глаз. Наконец до меня начало доходить, как сильно я влипла. Огляделась по сторонам. Пустые аллейки с опавшими сухими листьями. Вокруг ни души. Конечно, скоро в парке должен появиться Витя. Возможно, не встретив меня у аллеи рядом с чертовым колесом, брат пойдет мне навстречу. Но куда Витьке тягаться с Карпом? Этим парням лет по девятнадцать-двадцать. Я уже представила себе, как Витька убегает от уличных хулиганов, прижимая к груди свою драгоценную скрипку. Только пятки сверкают. Как листва под подошвой

его старых кожаных ботинок делает «шур-шур-шур», как стволы деревьев мелькают перед глазами. Да Витя, может, и рад бы меня оставить на растерзание этим подонкам. Брат даже не скрывает, что мечтает об отдельной комнате… Когда-то мы с ним обитали порознь, пока год назад в нашем доме не появились разнополые близнецы – младшие брат и сестра. Тогда меня на время отправили в комнату к Витьке, а шумным малышам отдали мою спальню. Скорее бы мы переехали в новую квартиру, в которой родители обещали выделить нам с Витей по комнате…

Я всегда отвлекалась и мечтала о чем-то постороннем в самые неподходящие моменты. Например, там, в парке, под голыми березами, хорошо бы было придумать, как удрать от уличных хулиганов, а я в то время делила комнаты в еще несуществующей квартире. А перед глазами между стволами деревьев по-прежнему мельтешил воображаемый Витька. Со скрипкой под мышкой.

– Давай, козявка, выворачивай карманы!

Я судорожно начала вспоминать, что ценного у меня лежит в карманах дождевика. Чупа-чупс, ключи от дома с любимым брелоком в виде розового хрусталика, яркий пластмассовый браслет из «Киндера», счастливый билетик из троллейбуса, мелочь на карманные расходы… Но главное, в левом кармане лежал сотовый телефон, который родители подарили мне совсем недавно, в конце августа, на девятый день рождения. Мой первый долгожданный мобильник. Простая «раскладушка», которую я с любовью обклеила наклейками, а в фотопленке на слабенькую камеру был запечатлен бабулин кот Кокос в разных позах, преимущественно – лежа. И что, эти хулиганы так просто отберут мой новенький телефон? А если я не выверну карманы, что они мне сделают? Как Буратино подвесят на суку и начнут мутузить, словно боксерскую грушу? От страха закружилась голова…

– Ну ты что, оглохла? – рявкнул белобрысый и с силой тряхнул меня за плечи.

И тут началось! До сих пор не понимаю, почему это не произошло раньше. Слезы. Из моих глаз потекли горячие крокодильи слезы. Ведь никто и никогда не повышал на меня голос. Не считая Витьку, конечно. Тот частенько горланил, но я его вопли всегда мимо ушей пропускала. А вот из взрослых – никто. И за плечи никто не тряс, как куклу. И уж тем более не желал меня ограбить.

Карпа мои слезы ничуть не тронули. Он перестал трясти меня и схватил за пришитые кармашки дождевика.

– Тормознутая какая-то!

Послышался треск одного из карманов, и к крокодильим слезам подключилось мое монотонное завывание.

– Что там у нее? – заинтересовались за спиной белобрысого его приятели.

– Так, мусор всякий, – проворчал «сын Поликарповой», выкидывая на землю мой счастливый билетик. Тут же притоптал его тяжелым грязным ботинком. – А вот это уже интереснее…

Парень достал телефон-раскладушку и продемонстрировал его друзьям.

– Не трогай! – сквозь слезы заверещала я. – Он совсем новый!

– Еще лучше! – обрадовался Карп. Затем повернулся к одному из своих приятелей: – Как думаешь, за сколько такой толкнуть можно?

Я поправила шапку, снова предательски ползущую на глаза, и потянулась за телефоном. Нет! Нет! Не отдам!

– Мне его на день рождения подарили! – вопила я, заливаясь слезами.

Карп вытянул вперед руку с телефоном, а я принялась подскакивать на месте, чтобы его выхватить. Придурки-друзья гоготали, глядя на мои унижения. Внезапно подул такой сильный ветер, что вокруг нас с Карпом закружилась жухлая листва. Несколько дождевых капель неприятно упали за шиворот.

– Эй! – послышался за моей спиной ломаный мальчишеский голос.

Я только закатила глаза. Все-таки Витя отправился на мои поиски. И для чего? Чтобы нас сейчас трясли на пару? Еще, чего доброго, скрипку отберут и тоже «толкнут». Представляю, как расстроится мама. Инструмент у Вити дорогой. Брат ходил в школу с одним и тем же ранцем третий год, а вот скрипку для

предстоящего международного конкурса ему купили новую…

Вите было тринадцать, но выглядел он в то время намного младше – лет на десять-одиннадцать. Иногда со стороны мы вовсе казались ровесниками. Брат был мелким и щуплым. По словам нашей бабули, пошел в породу отца. Папа у нас тоже невысокий. Витя тихо говорил, занудничал и постоянно носился со своей скрипкой. Хорошо, что родители не записали брата на контрабас. Его бы точно на одном из отчетных концертов этим музыкальным инструментом попросту бы прихлопнуло.

Я еще не видела брата, так как стояла к нему спиной, но уже успела заметить, с какой насмешкой уставились на Витю взрослые парни и как они противно заухмылялись. Еще один мальчик для битья подоспел, у которого можно вывернуть карманы. А у Вити было чем поживиться. Это я все деньги спускала на жвачки и сухарики, а брат бережливый. В школе вечно на что-нибудь копил, пропуская походы в столовую на больших переменах…

– Ну и че здесь происходит-то? – снова лениво поинтересовался голос за спиной. Тогда я широко распахнула глаза и медленно повернулась. Это был не Витя.

Перед нами стоял высокий мальчишка. Возможно, Витькин ровесник. По крайней мере, этот паренек точно выглядел лет на тринадцать-четырнадцать. Вместо шапки на голову накинут капюшон, на глаза спадает густая светлая челка. За спиной у мальчишки был черный рюкзак. Незнакомец оглядывал нашу «компанию» таким недовольным взглядом, будто разбой средь бела дня происходил не на аллее городского парка, а ни больше ни меньше на территории личной резиденции этого мальчишки. Словно мы тут его своими воплями потревожили. Пацан нервным движением поправил лямку на плече, и в его рюкзаке что-то звякнуло.

– Тебе че надо? – окрысился Карп. – Ты тут бутылки собираешь, что ли? Топай куда топал.

Наверняка «сын Поликарповой» принял светловолосого за беспризорника, с которого и взять нечего. Хотя я сразу отметила, что у мальчишки недешевые кеды, правда, убитые в хлам. Витька о таких давно грезил. Но родители купили ему новую скрипку…

– Отдайте ей телефон, – попросил у хулиганов светловолосый. Я рот раскрыла от удивления. Вытерла слезы кулаком и во все глаза уставилась на незнакомого паренька.

– Еще чего? – Карп хрипло расхохотался. – Сказал же, топай отсюда, малой!

– Отдайте, или хуже будет, – пригрозил мальчишка.

Верзилы синхронно загоготали, и даже я едва сдержала улыбку. Смелый, однако, мальчик. Ну, куда ему тягаться с такими взрослыми ребятами? Он хоть и рослый, но щуплый. К тому же их трое, а он – один. Даже если бы здесь сейчас все-таки нарисовался Витька, силы были бы неравными.

– И че ты нам сделаешь? – искренне заинтересовался Карп. Кажется, он даже забыл о моем существовании. Держал телефон на шнурке и раскачивал его в руках, а я завороженно следила за своим мобильником, будто за маятником. Выхватить бы «раскладушку» да драпать куда подальше через заросший осенний парк. Но теперь и неудобно. Вроде как за меня вступились.

– Что-нибудь неприятное, – пообещал мой спаситель.

– Ну-ка, ну-ка? – Карп сделал пару шагов навстречу мальчишке. Его приятели пока стояли на месте и заинтересованно оглядывали светловолосого с ног до головы. – Я твои руки переломаю, баран ты малолетний. Понял меня?

– Понял, – спокойно кивнул мальчишка. А потом вдруг расстегнул черный дутый пуховик и полез во внутренний карман. – А я твои ноги отстрелю.

И парнишка продемонстрировал черный пистолет. Все замерли на месте. До этого момента я видела настоящее оружие только в кино. Пистолет был блестящим и, кажется, тяжелым. Весомый аргумент оставить меня в покое.

– Больной! – «Сын Поликарповой», словно краб, попятился куда-то в сторону и едва не наступил на мой розовый сапог с «Винкс».

– Больной, – согласился мальчишка. – У меня и справка есть. Отдавайте ей телефон и сами валите отсюда, а то шмальну не раздумывая.

При этом у странноватого светловолосого паренька был такой серьезный и уверенный вид, что никто из присутствующих даже не сомневался – точно шмальнет. Карп молча отдал мне телефон и оглянулся на друзей.

– Гм, – откашлялся он. – Ну че, пацаны, идем?

– Идем-идем, – словно голуби, закивали пацаны.

– Гм! – Карп осторожно взглянул на мальчишку. – Ладно. Бывай!

– И тебе не хворать, – ответил мой спаситель, не сводя с хулиганов дуло пистолета. Те поспешно зашуршали листвой и вскоре скрылись из виду.

– Вау! Офигеть! – наконец воскликнула я, с интересом разглядывая мальчишку. У меня даже в носу защипало от восторга, и я почувствовала, что из глаз вот-вот снова брызнут слезы. Я всегда была очень впечатлительным и эмоциональным ребенком. – Откуда у тебя эта штука?

Я побежала к мальчишке, ничуть не опасаясь того факта, что он по-прежнему не опустил пистолет.

– Майя, стой! – истошно заорали откуда-то сбоку. От неожиданности я поскользнулась на грязи и растелилась прямо перед ногами своего спасителя. Едва носы его убитых кед не поцеловала. Тогда светловолосый будто очнулся и поспешно принялся прятать пистолет обратно во внутренний карман пуховика.

Разумеется, к нам на всех парах несся Витька со скрипкой наперевес. Представляю, как он перепугался, когда увидел, что незнакомый пацан целится в его сестру из настоящего пистолета. В том, что пушка настоящая, я почему-то даже не сомневалась.

Я продолжала лежать на холодной земле, уткнувшись носом в листву. Никто из присутствующих не спешил мне помочь подняться. Витя подбежал к нам и первым делом наехал почему-то на меня, а не на парнишку с пистолетом.

– Ну что ты разлеглась, кулема? Вставай! Я ее там у чертова колеса полчаса жду!

Витька бесцеремонно потянул меня за бедный капюшон, и я поспешно поднялась на ноги. Мой спаситель с интересом наблюдал за нами. Я же от стыда готова была сквозь землю провалиться. Витька вечно вел себя так, будто это он моя мама. При взрослых тихий и скромный, а как мы остаемся вдвоем, так вечно права качает. Жить с ним в одной комнате просто невыносимо.

Брат придирчиво оглядел мой испачканный плащ.

– А с карманом что?

– Что-что! – передразнила я Витю, снова хлюпнув носом. – На меня вообще-то напали. Телефон хотели отобрать!

Появилось странное желание вернуться на то место, где меня остановил Карп, и разыскать растоптанный счастливый билетик. Но я понимала, что это было бы совсем не к месту.

Витька наконец обратил внимание на моего спасителя.

– Волков, а ты все-таки больной псих! – выдал брат, укоризненно покачав головой. – Зачем тебе ее телефон? А пистолет у тебя откуда?

Я с удивлением уставилась на мальчишек. Так они знакомы? Что у моего смелого и отчаянного спасителя может быть общего с занудой Витькой?

– Да это не он напал! Другие!.. – поспешно принялась объяснять я. – Карп.

– Какой еще карп? – не понял брат.

– Ну, сын Поликарповой!..

Волков ничего не ответил на обвинение Витьки. Только снова звякнул бутылками в рюкзаке и молча направился вглубь лесного массива. Я недолго думая посеменила следом.

– Майя! – выкрикнул в спину Витька.

Высоко в ветвях недовольно каркнула ворона. Брат, вздохнув, направился за нами, старательно обходя грязь. Ему не купили такие же кеды, как у этого Волкова, поэтому свои старые кожаные ботинки Витька берег. Он вообще с детства был очень аккуратным и педантичным, чем до сих пор жутко раздражает. Попробуй-ка с утра не заправить кровать… С таким братом не забалуешь.

– Ну скажи, откуда он у тебя? Это прям твой? – пристала я к светловолосому незнакомому мальчишке. Мне вдруг показалось, что после всего произошедшего в парке нас теперь связывает невидимая ниточка. Я – жертва, он – отважный спаситель. Мы просто обязаны подружиться! Но Волков, видимо, так не считал. Он молча уходил все дальше в лес по устланным листвой дорожкам.

Я оглянулась. Витя, пыхтя, следовал за нами. Может, он разговорит Волкова? Интересно, откуда же они все-таки знакомы?

– Богдан, ты его украл, верно? – спросил Витя. И снова в его голосе наставительные нотки. И откуда у тринадцатилетнего пацана эта вечная тяга всех поучать?

Значит, светловолосого зовут Богданом… Никогда не нравилось это имя, а сейчас оно вдруг показалось мне самым замечательным на свете. Богдан, Богдан, Бо… Я запнулась о торчащий корень и едва не впечаталась Богдану в спину.

– Не украл, а позаимствовал, – все-таки ответил Богдан.

– Разумеется, без спросу? – продолжил умничать Витька. Я только закатила глаза.

– Ну, разумеется, без спросу, – насмешливо согласился с моим братом Богдан.

– А у кого? – спросила я, догнав Волкова и теперь шагая с ним практически в ногу. Ноги у Богдана длинные, ему сделать шаг, мне – несколько.

Богдан посмотрел на меня сверху вниз, решая, стоит ли вообще разговаривать со мной. Потом все-таки ответил:

– У маминого хахаля. Он мент. Вчера перебрал, а теперь весь день в отключке.

Я была в восторге. Вот это преступление! Вот это смелость! Это мы с Витькой боимся лишние конфеты у бабушки из вазочки стянуть, а тут у чужого мужика стащить настоящий ствол…

– Ты понимаешь, что это воровство, Богдан? – догнал нас Витька. – А еще это очень опасно, ведь выстрелы…

– Витька, он хочет по бутылкам пострелять! – догадавшись, восхищенно воскликнула я. Витя только поморщился. Его раздражало, когда я перебивала.

– Выстрелы точно услышат, тогда тебе несдобровать, – закончил брат.

– Это просто служебный травмат с резиновыми пулями, – сказал Богдан, посмотрев на Витьку. – Чего ты так кипишуешь?

– Нам с Майей проблемы точно не нужны. Еще я на учете по делам несовершеннолетних не стоял. Мне вообще в ноябре на фестиваль ехать в Москву. – Затем Витька, уже по традиции, наехал на меня: – Чего ты к нему привязалась вообще? Договорились же у чертова колеса! Не можешь ни дня без приключений.

Богдан и сам был не рад, что мы с Витькой потащились за ним в лес.

– Что вы ко мне оба прицепились? – не выдержал Волков.

Мы с Витей только растерянно переглянулись.

– Или хотите тоже пострелять? Так мне не жалко.

– Хотим! – тут же закивала я.

– Майя! – снова развопился Витька, хватая меня за руку. – С ума сошла? Нас уже у бабушки ждут. Забыла про юбилей?

Богдан только усмехнулся и прибавил шаг. Мы уже зашли глубоко в парк, со всех сторон нас обступили деревья. Ноги увязали в грязных, мокрых листьях. Вскоре мы с Витей безбожно отстали. Брат нарочно, а я просто не поспевала за длинноногим Волковым.

– Идем же! – Витька потянул меня за собой в обратную сторону.

Мне пришлось только с сожалением проводить Богдана взглядом. Я надеялась, что он обернется, но мальчишка так и не посмотрел в нашу сторону. Когда он скрылся за стройными темными стволами, мы с братом направились к выходу из парка. Оба молчали. Стоя на остановке, я прислушивалась, в надежде распознать громкие залпы, но так ничего и не услышала, кроме грохота трамвая и шума проносящихся по проспекту машин.

Уже перед сном я пристала к брату с просьбой рассказать мне, как и где он познакомился с Богданом. Витька отвечал нехотя. Сказал, что Волков пришел к ним в класс в этом сентябре. Его мама какая-то знаменитая актриса, поэтому он в школе только носом воротит. Ни с кем особо не общается. Да и Витька не собирается с ним дружить… Потому что Волков странный и кажется другим ребятам опасным.

Выключая светильник, брат настоятельно произнес:

– От таких, как этот Богдан, лучше держаться подальше, Майя.

Глава вторая

Витя и сам не понял, в какой момент «странный и опасный» Волков стал его лучшим другом. Просто в один прекрасный день их посадили за одну парту, и ребята «спелись». Витька, по доброте душевной и благодаря своему врожденному занудству, решил помогать Богдану с русским языком и литературой. А Богдан в благодарность защищал моего братца, которому до начала их дружбы частенько прилетало из-за скрипки. Волков, освоившись в классе, быстро завоевал среди других учеников авторитет. Удивительно, но рядом с Богданом наш Витька даже стал пользоваться популярностью. Ну, а мне,

влюбленной в Волкова по уши с того самого дня в парке, эта зародившаяся между ребятами дружба была только на руку.

С возрастом мои чувства не ослабевали. Меня восхищало в Богдане абсолютно все. Он не был похож на других приятелей Вити и уж тем более на моих бестолковых одноклассников. Богдана сложно было сразу разгадать. В один день он был молчаливым и задумчивым, в другой – шумным и возбужденным. Никогда не знаешь, что он учудит в следующий момент. Моя мама признавалась, что иногда «этот мальчик пугает». Меня же каждая его новая выходка приводила в восторг. Я была готова поддержать любое безумие Волкова. Например, как-то у Богдана родилась идея вырвать мой последний молочный зуб с помощью крепкой капроновой нитки, привязанной к стреле. Эту стрелу решено было пустить из самодельного лука точно в цель – приклеенную на дверь табличку с мишенью. Услышав план Волкова, я тут же с готовностью раскрыла рот, чтобы привязать нитку к расшатанному зубу, который, если честно, мне страшно надоел. В классе почти у всех ребят поменялись зубы, поэтому мне тоже хотелось скорее «повзрослеть». Конечно, во время нашей операции под ухом нудил Витька. Предлагал сводить меня к стоматологу или погрызть твердое яблоко, но мы с Богданом, охваченные идеей, были против. Волков сказал, что сам не раз выдирал себе зубы при помощи нити. Это не больно, не банально и весело. Будет потом что вспомнить.

А вспомнить действительно есть что. Было много крови, много воплей (моих и Витькиных), а еще счастливых слез. Ура! Больше ни одного молочного зуба! Мама, вернувшаяся в тот момент с прогулки вместе с близнецами, пришла в немой ужас. Ее на пороге встретила ревущая дочь с огромной дырой вместо зуба и окровавленным ртом. В тот раз от папы влетело почему-то Витьке.

Я продолжала с нетерпением ждать те дни, когда Богдан приходил к нам в гости. Мне и самой несколько раз посчастливилось побывать у Волкова дома. Мама Богдана – известная актриса театра и кино. Высокая, белокожая, с аристократической внешностью и темными вьющимися волосами. Они с Богданом совсем не были похожи внешне, поэтому мне всегда было интересно узнать, как выглядит отец парня. Но о своем папе Богдан никогда не рассказывал, чаще всего переводил тему, а когда я в очередной раз завела разговор о его предках, Витька просто обидно толкнул меня плечом и громко цыкнул. Лишь намного позже я все-таки допыталась до брата, что отец Богдана погиб в то время, когда мама была беременна. Выходит, Волков даже ни разу не видел своего папу…

В квартире у Богдана было много картин, ваз, редких изданий книг и необычной красивой посуды. Парень говорил, что многое из всего этого – подарки маминых ухажеров. Посреди просторной гостиной стояло белое фортепьяно. Мой брат как завороженный вечно крутился вокруг музыкального инструмента, хотя умел играть только на скрипке. По признанию Богдана, ни он, ни мама играть на фортепьяно тоже не умели. «Оно здесь для понта. Для маминых богемных друзей… Они по вечерам пьют вино и балякают на этой штуке. Вернее, играет один из них. С сальными зачесанными назад волосами. Постоянно маму глазами пожирает. Заслуженный артист. Он мне капец как не нравится, и я боюсь, что в один день этот дядька все-таки добьется своего и перевезет к нам свои шмотки. Тогда мне все время придется слушать его заунывную игру…»

А еще у Волковых никогда не было в доме еды, которую моя мама назвала бы «нормальной, домашней». Мама Богдана не умела и не любила готовить. К тому же ей всегда было некогда. А когда время было, она сидела на диете, готовясь к новой роли. Это наша с Витькой родительница, оставив работу ради воспитания четырех детей, каждый вечер баловала нас вкусными блюдами. Когда мы с Витей приходили к Богдану, чаще заказывали на дом пиццу или покупали по дороге домой гамбургеры. Помню, как была по-своему счастлива в тот момент, когда запивала воппер ледяной шипящей колой, потому что дома меня такой «отравой» не баловали.

И все-таки, несмотря на занятость и нехозяйственность, мать Богдана души не чаяла в сыне. Я сама не раз слышала, как она ласково называла его «Бо», а чуть позже узнала, что Волков больше никому не разрешает так к себе обращаться.

Как уже говорила, все эти годы я старалась поддержать любую авантюру Волкова. Даже когда в выпускном классе Богдан, воспользовавшись болезнью нашего сторожа, предложил друзьям на слабо остаться в школе и переночевать там, я загорелась желанием провести ночь вместе с ними. Об этой затее я узнала от Витьки. Брат довольно скептически поведал мне о деталях предстоящей ночевки и строго-настрого запретил соваться вместе с ними, хотя я вполне могла улизнуть из дома на ночь, сказав маме, что остаюсь у своей школьной подруги Анаит. В конце своей нотации брат напомнил мне о школьном уставе.

– Но вы же сами его нарушаете, – хмыкнула я.

– Мы – выпускники. Если нас и поймают, то простят… Надеюсь. А тебе еще столько лет учиться.

Но я была настроена решительно. Даже поставила будильник, чтобы улизнуть из дома ночью и пробраться к школе. Посмотреть, что там и как… Хоть одним глазком. Конечно, ребятам было по семнадцать-восемнадцать, мне – всего лишь тринадцать, и моей компании никто из них не жаждал. Но случилось то, что случилось. Я благополучно продрыхла. Просто не услышала звон будильника! Тоже мне, нарушительница порядка. Соня обыкновенная. Как я проклинала себя в то утро! Но, конечно, чуть позже о вылазке ребят стало известно директору. Охранник, вернувшись после простуды на пост, для чего-то проверил камеры. Директор пытал выпускников, чтобы те выдали организатора ночевки. Разумеется, он и без этого догадался, кто был инициатором, оттого дольше всех допрашивал Витьку. Как лучшего друга Богдана. А их классуха, дабы угодить начальству, даже ко мне на перемене подруливала. Спрашивала, мол, не в курсе ли я о делах старшего брата и его друга. Но ни я, ни Витя Богдана не выдали. В итоге директор, устало пригрозив отчислением накануне ЕГЭ, отправил всех нарушителей в качестве наказания отмывать школьную библиотеку… В этот же список записали еще и моего одноклассника, который вечно прогуливал алгебру. Я тоже загорелась идеей остаться наказанной после уроков. Ведь тогда я смогла бы снова быть ближе к Богдану, который из-за предстоящих экзаменов совсем не появлялся у нас в квартире.

Для того чтобы попасть в библиотеку, на последнем уроке я нарочно нагрубила нашей физичке. Это было на меня непохоже, поэтому учительница просто справилась о моем здоровье, решила, что у меня какие-то проблемы дома, и отпустила с урока раньше. Тогда, выйдя из класса, я со всей дури пнула ведро, разлив грязную воду на пол длинного коридора. Техничка Анна Никитична, которая в то время поливала цветы в другом конце рекреации, подумать не могла, что я могу сделать такое нарочно. Просто запнулась. Стыд ко мне пришел мгновенно. И вместо того, чтобы расхохотаться на весь коридор, как злодей, я, краснея и извиняясь, принялась собирать половой тряпкой воду. Гонимая чувством вины, я еще и коридор до блеска отмыла. В конце концов, наплевав на все условности и не дождавшись желаемой взбучки, сама отправилась в библиотеку добровольно помогать остальным. Черт возьми, никогда не думала, что так сложно добиться наказания после уроков.

Богдан удивился, когда я появилась на пороге библиотеки.

– Ты чего тут? – спросил он, с интересом оглядывая меня. Сам, вместо работы, сидел на подоконнике с какой-то книгой в руках.

– Ай, да ерунда! – Я беспечно махнула рукой. – Обычное дело. Тоже наказали.

Прошла к нему вглубь библиотеки, минуя перевязанные стопки учебников на полу. Лучи майского солнца проникали в помещение сквозь светлые занавески и полосками ложились на высокие книжные полки.

– Наказали? За что? – заинтересовался Богдан. Он спрыгнул с подоконника и убрал книгу в рюкзак. Затем принялся развязывать бечевку на одной из стопок с учебниками, на которых было написано: «Геометрия. 7 класс». Я молча смотрела на его руки и, кажется, уже слишком долго молчала.

– Физичке грубила, – наконец сказала я.

– Ты? – не поверил Богдан.

Недалеко от нас крутились его одноклассницы, которые изредка смотрели в нашу сторону и презрительно пофыркивали. Еще бы! Я была младшей сестрой Вити Михайлова, глупой влюбленной малолеткой, увязавшейся за популярным старшеклассником. Но чем еще меня восхищал Богдан – он всегда общался со всеми на равных, независимо от возраста, популярности, увлечений… В отличие от этих размалеванных дур, которые наверняка бы со мной даже в коридоре не поздоровались.

Мою влюбленность сложно было не заметить. Я преследовала Богдана всюду. Ходила на все школьные соревнования и постановки, где принимал участие Волков. И даже как-то прогуляла урок, карауля Богдана у медпункта, чтобы удостовериться, что с ним все в порядке. Он тогда ногу вывихнул на стометровке. Всем сказали расходиться. Все и разошлись. Кроме меня. Мне хотелось ему доказать, что что бы ни случилось, я всегда буду рядом. Да, мою больную влюбленность видели все вокруг. Все, кроме самого Волкова. А может, он просто делал вид, что ничего не замечает.

Тот май казался мне самым трагичным месяцем, ведь Богдан доучивался в нашей школе последние деньки. Они с Витей поступали в разные институты. Витя решил учиться на филологическом, а Богдан пошел по стопам матери и

готовился к вступительным в театральный. Я думала, что, возможно, теперь Богдан будет появляться у нас дома гораздо реже… Или же они с Витей найдут новых приятелей, их пути совсем разойдутся. Я так себя накрутила, что весь май перед сном плакала в подушку. Я так не страдала, даже когда у Богдана появилась первая подружка в его пятнадцать лет. Благо они провстречались совсем недолго.

Я дождалась, пока шушукающиеся раздражающие девицы скроются за книжными полками, и обратилась к Богдану:

– Жалко, что в этом году ты уходишь из школы.

– Ты бы предпочла, чтобы меня оставили на второй год? – усмехнулся Волков.

– Ой, нет, что ты! – замотала я головой. – Просто… без тебя в школе будет скучно.

А в моей жизни так и вообще произойдет землетрясение. Здания вокруг начнут рушиться, земля пойдет под ногами страшными толчками…

– В школе некогда скучать, – сказал Богдан. – Тем более мне на смену пришло подрастающее поколение.

Парень негромко рассмеялся, имея в виду мое наказание. Я покраснела и принялась помогать ему расставлять на пустых полках учебники по геометрии.

Послышался довольный голос завуча, Натальи Станиславовны. Вскоре она вышла к нам из-за книжных полок.

– Волков, работаешь? Работай, работай, голубчик. Хоть школа вздохнет спокойно без твоих выходок, когда ты выпустишься. Михайлова? – просияла женщина, глядя на меня. – И ты тут? Анна Никитична уже похвалилась, как ты здорово помогла отмыть ей коридор…

– Да я там просто это… Запнулась… – начала лепетать я под внимательным и насмешливым взглядом Богдана.

– А теперь и библиотеку пришла отмывать? Умница, девочка! – не слушая моего бормотания, продолжила Наталья Станиславовна.

Я чуть сквозь землю от стыда не провалилась.

– Вот, Волков, поучился бы ты у молодого поколения.

– Поучусь! – согласился Волков, обнимая меня за плечи. – Согласен с вами, Наталья Станиславовна. Майя – та, с кого надо брать пример.

Оказавшись в объятиях Богдана, думала, умру на месте. А он вдруг резко отпрянул и, потрепав меня по волосам, отправился на помощь пищащим одноклассницам, которые пытались выгнать из библиотеки залетевшую осу.

Я выглядывала из-за полок, наблюдая, как Богдан, прогнав осу, снова уселся на подоконник. Как он с обаятельной белозубой улыбкой рассказывал что-то забавное девчонкам, а те беззаботно хохотали. Наблюдала, как лучи майского солнца гладят его по светло-русым волосам и спускаются на широкие плечи… Что ж, возможно, уход Богдана из нашей школы – это даже к лучшему. К лучшему и то, что он будет реже появляться у нас в гостях. Быть рядом и одновременно далеко; знать, что ты – всего лишь младшая сестра его друга. Это невыносимо и страшно. Как разрушенные дома, обломки деревьев и горные обвалы… Как землетрясение в двенадцать баллов.

* * *

И вот через пару недель мне восемнадцать. Этим летом я поступила в тот же институт, в котором учился Богдан, только на продюсерский факультет. Внешне я теперь старалась не показывать свои первые сильные чувства, хотя внутри меня по-прежнему трясло лишь от одного упоминания о Волкове. Как бы я ни старалась, это наваждение, которое настигло меня в городском осеннем парке, никуда не пропало. Доходило до абсурдного. Например, сегодня я умотала с дачи на первой же утренней электричке, подслушав, что Витя собирается встретиться с Богданом в городе. Эта новость стала для меня неожиданностью. В последнее время Витька и Богдан редко общались и не виделись практически все лето.

С возрастом Витя из щуплого пацана превратился в симпатичного крепкого парня, хотя внутри него по-прежнему жил тот маленький зануда со скрипкой в руках.

Защитив диплом на отлично, мой брат проводил все время на даче с дочерью наших соседей Ладой. Ладушка-Оладушка. Такая же зануда, как и Витя. Раскачиваясь на садовых качелях, они часами болтали на свои заумные темы. Например, обсуждали несостоявшуюся дуэль Мандельштама и Хлебникова.

– Ты в курсе, что уже был выбран секундант?

– Ты имеешь в виду Шкловского?

– Всему виной антисемитские стихи…

Изредка эти двое подтрунивали над моей «необразованностью», чем страшно раздражали. Чаще всего я уходила к заливу, чтобы не слушать их разговоры. Между этими двумя царила своя атмосфера. Витя и Лада обменивались непонятными словечками и незнакомыми мне фамилиями, как мячиками при подаче в пинг-понге.

А ведь Лада с детства к моему брату клинья подбивала. Каждое лето за ним на велосипеде по дачному поселку колесила и даже с нашими близнецами оставалась сидеть, когда я протестовала. Иногда мне кажется, что она нарочно выучила все эти умные словечки и на филфак вслед за Витей поступила лишь для того, чтобы быть ближе к брату.

Помню, как мы втроем сидели на берегу и пускали блинчики по воде. Витька втирал нам что-то о музыке дореволюционной России, а Лада вдруг восхищенно воскликнула:

– Умные мужчины очень возбуждают!

Я тогда только скривилась от ее слов, а бедный Витька покраснел как помидор.

И вот же эта девчонка добилась своего. Теперь Витя сам к Ладе привязан, как верная собачка. На днях влюбленная пара принялась выбирать дату свадьбы.

Накануне моей поездки в город, за ужином, брат известил о встрече с Волковым будто между делом:

– Богдан попросил встретиться. Может, к нам забежит.

– На дачу? – удивилась мама.

– Почему на дачу? Встретимся у нас на квартире.

Я даже вилкой стучать перестала. Внутри все оборвалось.

– Что ему надо? – снова настороженно спросила мама. Она не знала, что можно ожидать от Волкова. Никто этого не знал. Его не было все лето, а тут вдруг вернулся и вызывает Витьку в город.

Брат только пожал плечами и продолжил равнодушно жевать. Как он может так спокойно есть? У меня от волнения кусок в горло не лезет. Я, как и Витя, не видела Богдана все лето, и вот теперь, когда он придет к нам в гости, торчу на этой чертовой даче!

– Мы завтра тоже в город едем, – сказала мама. – Надюшку и Илью на день рождения к однокласснику пригласили. Уже предвкушаю, как они перевернут чужой дом вверх дном.

Мы оглянулись в сторону выхода. Мои младшие брат и сестра, Надя и Илья, не доев, уже выскочили с планшетом на веранду.

– Подвезу тебя на машине, Витюша. Чего рано вставать да на электричке тащиться?

– Здорово! – обрадовался Витя.

Вот он. Мой шанс.

– А мне что прикажете? На даче одной торчать? Тоже в город поеду!

Я чувствовала, как фальшиво и незнакомо звучал мой якобы возмущенный голос. Витька только усмехнулся. Он сразу смекнул, к чему я клоню. К моей безответной любви он уже давно привык.

Зато мама ни о чем не догадалась. Святая простота.

– Ты же, наоборот, говоришь, что хочешь от всех нас отдохнуть?

В этот момент Витька заржал и, подавившись, закашлялся. Я скорчила брату гримасу.

– Я боюсь ночевать одна, ты же знаешь, мам, – нашлась я.

Мама постучала Витьке по спине:

– Витюш, ну, что же ты?.. Хорошо, Майя, возьмем и тебя с собой.

Я уже представила себя на заднем пассажирском сиденье, зажатая с обеих сторон крикливыми близнецами…

– Нет, я лучше с утра одна. На электричке.

– И хочется тебе вставать в такую рань? – удивилась мама. По выходным электричка от дачи до города ходила всего два раза в день: рано утром и поздно вечером.

– Ничего страшного.

На самом деле мне нужно было приехать раньше, чтобы в спокойной обстановке привести себя в порядок. Навести марафет, протереть полы и испечь что-нибудь вкусненькое к приходу Волкова. Что-что, а пекла я здорово! Вот Богдан придет к нам, а я, раскрасневшаяся, с пылу с жару, печенья им в комнату принесу. В дверь осторожненько постучу, глазки скромненько в пол опущу, тарелочку с ароматным печеньем Волкову перед самым носом поставлю. Я, замечтавшись, вздохнула. Витька снова метнул в мою сторону подозрительный взгляд.

И вот я ехала в город на первой утренней электричке. Людей в субботу в этот час практически не было, только в начале вагона на скамейке у окна дремала старушка. Солнце уже давно поднялось и теперь выглядывало из белых перистых облаков. Стук колес убаюкивал. Кажется, я впервые за два с половиной месяца осталась одна…

На протяжении всего лета рядом со мной всегда кто-то был. Нет, я очень люблю свою семью, но иногда их, правда, слишком много. Вечные ссоры между близнецами, мамины и папины ворчания, Витькино занудство и очень громкий смех Ладушки, которая день и ночь торчит у нас в гостях. Несмотря на этот сумасшедший дом, в моей семье все искренне любят друг друга, а мама обращается ко всем детям лишь с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Для родительницы мы всегда «Витюша», «Маюша», «Надюша» и «Илюша»… От мыслей, что я немного хочу побыть одна, я перешла к теме родительства. А ведь мама с папой хотят нам счастливой жизни и частенько потакают любым капризам, в рамках дозволенного, разумеется. И я даже не задумывалась, что в других семьях может быть как-то иначе. Без вкусных сырников на завтрак, без шумного застолья на дни рождения, когда вокруг собирается вся родня… Я знала, что у Богдана такой семьи никогда не было. Его мама вечно была на гастролях с театром, да еще и новые «папы» менялись каждый год. Других родственников у Волкова не было. А все новые пассии его мамы не сильно пылали любовью к взрослому сыну возлюбленной. Потому что в подростковом возрасте Богдан не был подарком. Ершистый, он вечно вступал в споры с предполагаемыми будущими отчимами, которые периодически появлялись в их доме и считали, что теперь вправе воспитывать мальчишку. Поэтому в детстве Богдан чаще болтался у нас дома, чем у себя.

– У тебя появился еще один старший брат, – смеялся папа, который всегда был рад гостям.

Но мне не хотелось, чтобы Богдан был моим новым братом. Мне и Витьки с Ильей за глаза хватало. Я любила Волкова. Любила всем девичьим сердцем так горячо и отчаянно… С того самого дня, как он в осеннем парке пообещал отстрелить моему обидчику ноги.

Приехав в город, я первым делом позвонила Анаит – моей лучшей подруге. Не особо беспокоясь о том, что могу разбудить ее утром в субботу. Подруга вставала рано, в отличие от меня.

Анаит всегда приходила мне на помощь. Будь то задачи по алгебре или прикрытие для мамы, когда я без разрешения убегала на дискотеки. Чтобы проконтролировать Богдана, разумеется. Пока я даже не представляла, как буду дальше жить без верной, взрослой Анаит, которая иногда относилась ко мне строже, чем родная мать. Держала в ежовых рукавицах, так сказать. Анаит выбрала другую специальность и поступила в Высшую школу экономики.

– Привет! – выкрикнула я в трубку, когда уже была в подъезде.

– Доброе утро! – бодро отозвалась Анаит.

Я забежала в обшарпанный лифт и нажала на кнопку. Створки со скрежетом сомкнулись.

– Ты где? – настороженно поинтересовалась подруга. Я ведь должна все лето торчать на даче.

– Увидимся сегодня? – не ответив на ее вопрос, спросила я.

– Сегодня? – удивилась Анаит. – Вообще-то я думала завтра к вам на дачу приехать. Майя, мы же договаривались! Ты опять все перепутала?

Лифт предательски громко гудел.

– Нет, Ани, я сегодня в городе.

– В городе? А зачем?

– Ты придешь к нам? Мне нужна укладка и… макияж! – выдохнула я в трубку. Зажав телефон между ухом и плечом, достала исписанный мамой старый блокнот, который прихватила с дачи. В нем хранились рецепты. Перелистнула на страницу с выпечкой. Нужно прикинуть, каких продуктов не хватает для печенья… А успею ли я в магазин? Мысли о рецепте, укладке, Богдане путались и наскакивали друга на друга. – Ты ведь ходила в июне на какие-то там курсы…

– Куда ты собираешься, Михайлова? – перебила меня Анаит.

– Да никуда, – замямлила я. Совершенно не умею врать подруге. Чувствую себя провинившимся школьником с двойкой в дневнике. – Понимаешь, Ани, мы вечером идем в гости на день рождения…

В принципе, я не врала. Ведь вечеринка действительно намечается. Только не у меня, а у близнецов.

Анаит, почувствовав ложь, только тяжело вздохнула в трубку. Я в тот момент уже вышла из лифта и теперь ковыряла ключом замочную скважину, все так же зажимая трубку у плеча. Щекой нечаянно переключилась на громкую связь…

– Это снова из-за него, да? – на всю лестничную клетку строго вопросила подруга. – Майя, ты ведь обещала!

– И ничего я тебе не обещала! – запротестовала я.

– Он придет к вам, да? Это из-за него ты сорвалась с утра пораньше в город? Когда же ты уже угомонишься?

Я наконец справилась с замком и зашла в пустую неприветливую квартиру.

– Конечно, я к тебе приду, куда ж денусь, – продолжила нравоучительным тоном Анаит, – но вряд ли из этого что-то хорошее выйдет. Ты уже одержима им, Майя! А он на тебя даже внимания не обращает…

– Обратит! – убежденно проговорила я, снимая босоножки. – Приходи, Ани! Пожалуйста. Мы еще посмотрим, кто кого.

Глава третья

Богдан очутился в нашей прихожей, которая вдруг резко будто сузилась в размерах. Стало жарко. Пряный древесный парфюм, от которого подгибаются коленки. Я не видела Волкова почти все лето. За это время Богдан где-то здорово загорел, немного похудел и словно осунулся. Глаза красные, как после бессонной ночи. Я даже забеспокоилась о его самочувствии.

– Привет, Майя! – Парень улыбнулся и привычным жестом взъерошил выгоревшие на солнце волосы. Волков казался смущенным и тихим. Будто его подменили.

– Привет, – пролепетала я.

Из кухни доносился умопомрачительный запах свежей выпечки. Слишком долго я провозилась с этим несчастным печеньем по маминому рецепту, который достался ей от какой-то прапрапра…

– Ты выросла за лето, – сказал Богдан, тут же отвел взгляд и наклонился, чтобы расшнуровать кеды.

– Спасибо, – без особого энтузиазма отозвалась я. «Выросла за лето». Будто мне по-прежнему тринадцать. Я вообще-то уже в институт поступила в этом году. «Повзрослела», «изменилась», «похорошела»… Столько более подходящих и приятных слов. В конце концов, Анаит потратила целый час на мою небрежную укладку и симпатичный естественный макияж! Что же это получается, все старания насмарку? Явно озабоченный чем-то, Богдан снова скользнул по мне быстрым взглядом и стянул джинсовую куртку. А чего я ждала? Что Волков с порога бросится в мои объятия с признаниями в вечной любви? Я даже незаметно нахмурилась оттого, что такая мечтательная дура. Нет, конечно, он не обязан отвешивать мне комплименты. Но и его «выросла за лето» не прокатит. Будто я трава сорная за забором…

– Традиций нарушать не будем. – Богдан полез в черный спортивный рюкзак и достал оттуда коробку зефира в шоколаде, который просто обожал. И почему-то считал своим долгом в каждый свой приход угостить меня этим лакомством. Словно я маленькая, не обойдусь без «гостинца». Я к сладкому всю жизнь была равнодушна, а этот зефир и вовсе мне казался очень приторным, но все же всегда с радостью принимала из рук Волкова этот десерт. И уплетала его потом при нем за обе щеки как миленькая. На что только не пойдешь ради любви. Вот и сейчас бережно прижала к груди коробку с зефиром.

– Спасибо, – снова кивнула я.

В коридор вышел Витька. Одарил меня ядовитым взглядом (он-то мой, пусть и естественный, но все-таки марафет не оставил без внимания), пожал руку Богдану и кивнул на дверь своей комнаты. – Пошли! Я там операционку переустанавливаю… Майка, поставь нам чайник, пожалуйста.

– Угу.

Богдан первым прошел в комнату брата. Витя закрыл за собой дверь. Вскоре до меня донеслись их приглушенные голоса и музыка на фоне. Я какое-то время покрутилась под дверью, но, разумеется, ничего не расслышала. Тяжело вздохнув, отправилась на кухню, чтобы поставить чайник и разложить в вазочке зефир и печенье.

И все-таки Богдан будто сам не свой. Я его хорошо знаю. Интересно, что же произошло, раз ему пришлось вызвать моего брата с дачи, чтобы посоветоваться с ним? У Волкова неприятности? Ох, а если Богдан влюбился? Ну, точно! Влюбился безответно и теперь мучается. Ночами не спит, все о своей возлюбленной думает. Оттого и глаза такие воспаленные. И похудел. А вообще, ему давно пора побывать в шкуре отвергнутого. Привык, что девчонки сами на него вешаются. Не только же мне маяться от безответной любви? Когда тебя накрывает тяжелыми волнами, одна за другой, а ты, как бы ни старался, не можешь выбраться. Только сильнее тонешь… Но это какой же надо быть идиоткой, чтобы в ответ не влюбиться в Волкова?

Меня тут же осенило. А что, если наоборот – все очень даже взаимно? И Богдан пришел к Витьке, чтобы пригласить брата на свадьбу? Этого я точно не переживу! От такого открытия даже меня в жар на секунду бросило. Мысли прервал тихий свист закипевшего чайника.

Разлив чай по чашкам, я так и продолжила сидеть на кухне, подперев щеку кулаком и думая о том, что такого могло стрястись у Богдана. Вскоре музыка замолкла, а на кухне появился Витя. Я думала, мы будем все вместе пить чай на кухне. Тогда бы я могла между делом поинтересоваться у Богдана, что новенького и не надумал ли он жениться… Но Витька молча подхватил две чашки с горячим чаем и бросил на ходу:

– В моей комнате попьем, не договорили.

– А печенье? – тут же подскочила я на месте. – И зефир.

– Ага, тащи. Видишь, руки заняты.

Я с готовностью взяла тарелку со сладостями и засеменила вслед за братом.

В комнате у Витьки царил привычный образцовый порядок. Стены, выкрашенные в белый цвет, постеры на стене с супергероями из комиксов и множество книг на деревянном стеллаже, выстроенных по цвету корешка. Не дай бог к книгам в зеленой обложке случайным образом затешется книга в синей обложке… Это ж ад для перфекциониста Вити!

Представляю, во что превратится эта идеальная светлая комната после того, как старший брат женится на Ладушке-Оладушке и съедет от родителей, а вместо него здесь будет жить Илья. Младший братишка не особо заморачивается по поводу уборки. Но сейчас ни комната, ни будущая свадьба Витьки меня особо не волновали. На повестке дня стоял куда более острый вопрос: что стряслось у Богдана и не собирается ли он распрощаться с холостяцкой жизнью?

Волков, сидя в кресле-кровати и опершись локтями о колени, запустил пальцы в густые волосы и гипнотизировал пол. И все-таки он выглядел таким потерянным… У меня даже сердце сжалось. Явно что-то случилось, а я, дура, на него обиделась. Макияж этот дурацкий, прическа… Идиотка. Я поставила тарелку с печеньем и зефиром на стол и с тревогой продолжила рассматривать Волкова, который, погруженный в свои мысли, не обращал на нас с братом никакого внимания. Витька тут же поторопил меня.

– Давай-давай, Майя! – поморщился он. – У нас разговор серьезный.

Пришлось мне выходить в коридор. Витька снова закрыл дверь, но та сразу приоткрылась. Брат, на мою радость, этого не заметил.

– Хорошо, ну нашел ты его. А дальше что? – спросил Витя.

Я замерла посреди коридора и, кажется, забыла, как дышать.

– Как это что? Мне нужно с ним поговорить.

– Но о чем?

– Как это о чем? – снова возмутился Богдан. – Он ведь даже не знает о моем существовании! Ты представляешь, она скрывала его от меня всю жизнь. Говорила, его нет в живых. А он даже не в курсе, что у него больше двадцати лет назад сын родился.

– Может, и не стоит тебе с ним встречаться? – принялся занудствовать Витька. – Вдруг он алкаш какой?

– Да нормальный он, – вздохнул Богдан. – Все так же спектакли у себя в городе ставит. Заслуженный работник культуры. Я про него уже справки навел.

– А семья?

– Про семью ничего не знаю, – горько ответил Богдан.

Я представила, как Волков снова нервно взъерошил волосы.

– Витя, а вдруг он одинок? Вдруг я ему нужен?

Теперь настала очередь Витьки вздыхать. Богдан запальчиво продолжил:

– Ты только подумай, как она эгоистично поступила, сбежав! Все решила за них двоих. И за меня тоже. Лишила отца. Наврала с три короба о его гибели… Заживо при мне человека похоронила. А он всю жизнь прожил в том городе, не зная, что у него сын растет.

– Но ведь она не просто так от него сбежала, – осторожно сказал Витя. – Были на то причины. Ты не думал об этом?

– Мне все равно, – отрезал Богдан. – Я хочу увидеть своего настоящего отца.

– Не посоветуешься с матерью?

– Что-то она не очень советовалась со мной, когда в июне приняла предложение руки и сердца от этого урода. Ты же знаешь, как я к нему отношусь.

– Понимаю, ты сейчас чувствуешь, что тебя предали… – завел волынку Витька. Иногда ему нравилось включать диванного психолога. Возможно, он выбрал не ту специальность, поступив четыре года назад на филфак. Внезапно брат замолк и выкрикнул: – Майя, я знаю, что ты греешь уши!

У меня тут же запылали щеки. Видимо, брат увидел приоткрытую дверь. Я перевела дыхание и, выждав несколько секунд, заглянула в комнату.

– Печенье мое еще не пробовали? – как ни в чем не бывало спросила я.

– Ты подслушивала? – строго спросил брат.

– Боюсь, что плохо пропеклось, – проигнорировав вопрос Витьки, сказала я, глядя Богдану в глаза. Тот усмехнулся и потянулся за печеньем. Принялся его жевать, не отводя от меня взгляда.

– Ты слышала, что я спросил? – не отставал брат.

– Ну как? – кивнула я Богдану.

– Норм, – ответил Волков. – Вернее, очень вкусно.

– Вот и отличненько! – улыбнулась я.

– Тут молотая корица?

– Совсем немного.

– Вы специально меня игнорируете? – рассердился Витька.

Богдан рассмеялся и, кажется, впервые за все время присутствия в нашей квартире немного расслабился.

– Все, Майя, иди! – распорядился брат. – Иди, иди! Не до тебя сейчас.

Я, пожав плечами, снова вышла из комнаты, не закрывая за собой дверь. Зашла к себе и рухнула на кровать. Прислушалась. На этот раз Витька забыл о всех мерах конспирации и с горячностью продолжил:

– Твоя мама расстроится. Ты ведь за ее спиной все это проделал!

– Ей сейчас совсем не до меня.

– Говоришь, как обиженный ребенок.

– Да при чем тут это, Витяй? – рассердился Богдан. Я бы на его месте уже давно вскипела от занудства своего брата. – Хочу в глаза ему посмотреть, понимаешь? Чувствую, что мне это надо. Я ведь фотографию его даже откопал… Я на него похож. Хочу, чтобы он это знал.

Оба замолчали. Я уставилась в белый потолок, думая, что эта беседа за стенкой очень напоминает сцену из слезливого фильма. Мы ведь все думали, что отец Богдана погиб еще до его рождения. Когда мама была беременной. Тогда бедная девушка, не выдержав тягость утраты, решила начать все с чистого листа и рванула в мегаполис, где больше перспектив для молодой актрисы. Здесь родила Богдана, поставила его на ноги, сделала успешную карьеру на сцене… А тут вот оно что. Оказывается, отец Богдана все это время был жив и здоров.

– Ну и что ты от меня хочешь? – устало спросил Витя.

– Поедешь со мной? Я в одиночестве в дороге с ума сойду. Двадцать часов в пути в один конец.

– Ты знаешь, что я думаю на этот счет. Это плохая идея.

– Туда и обратно. Дня за четыре управимся.

– Тем более. У нас с Ладой на этой неделе планы в городе. Хотели съездить заявление подать, ресторан посмотреть… – Витька был непреклонен.

– Понял тебя, – сухо сказал Богдан.

Вскоре парни вышли в прихожую.

– Я поеду через Москву, по 108-й трассе, – негромко начал Богдан. – Сделаю крюк до вашей дачи. Подожду тебя у шлагбаума в понедельник, в девять утра. Если поменяешь свое решение, буду рад.

– Мне жаль тетю Нику, – вздохнул Витя. – Поговори с ней. Не делай это втайне от нее.

– Буду ждать тебя пятнадцать минут. Если не придешь, я пойму, – недовольным голосом продолжил Волков. Я себе представила нахмуренного Богдана и такого же смурного Витьку.

– Можешь не ждать, – наконец проговорил брат.

– Пятнадцать минут, – упрямо повторил Богдан. А затем нарочито бодрым голосом выкрикнул: – Пока, Майя! Спасибо за печенье. Увидимся!

– Угу, – смущенно промычала я. Возможно, Богдан и не расслышал моего невнятного ответа.

Вскоре в дверях послышался шум, громко щелкнул замок. Когда Волков ушел, Витька недовольно выругался себе под нос и вернулся в свою комнату, хлопнув дверью. В квартире повисла гнетущая тишина.

* * *

С покатой черепичной крыши скатилось яблоко и с глухим стуком ударилось о землю. Мы с Анаит залезли сюда в надежде спрятаться от шумных близнецов, которые с самого приезда подруги терроризировали нас с просьбами поиграть. На крыше было тихо и уединенно. Вокруг шумели яблони. Анаит дотянулась до созревшего плода белого налива и, сорвав его и потерев о клетчатую фланелевую рубашку, с треском откусила.

– Поверить не могу, что до осени всего две недели, – прожевав, сказала она. – Ты боишься знакомиться с будущими одногруппниками?

– Я в этой жизни ничего не боюсь, – пожала я плечами, разглядывая небо, которое после обеда заволокло тучами.

– Ты ничего не боишься? – Анаит посмотрела на меня с интересом, а затем рассмеялась. – Ты же такая трусишка, Майя! И плакса. Не найдешь нужную аудиторию и расплачешься посреди коридора.

– Бу-бу-бу, – передразнила я подругу. – Ну и пусть расплачусь. Просто я не такой черствый сухарь, как ты. Эмоции – это не есть плохо, Ани!

– «Не есть плохо, Ани!» – передразнила меня Анаит. А потом предпочла перевести тему: – Что собираешься делать на день рождения?

– Не люблю его отмечать, – поморщилась я.

– Но это же все-таки совершеннолетие, – возразила Анаит.

Теперь я поглядывала на яблоню, прикидывая в уме, смогу ли дотянуться до нее со своего места. Не скатиться бы вниз по крутому склону крыши… Но Анаит так вкусно хрустела яблоком! Подруга, жуя, смотрела на меня и улыбалась.

– Ну что, малыш, сорвать тебе яблочко? – спросила Ани.

– Сорви, – кивнула я. – Просто ты ближе…

– Ага-ага. Трусишка!

Анаит, закинув за спину тугую темную косу, потянулась за яблоком. Теперь мы обе молча жевали и разглядывали, как первый клин птиц, плавно взмахивая крыльями, пролетает над нашей дачей. Вот бы и мне, как птице, сорваться с места и полететь куда глаза глядят. Не боясь выговора родителей, упреков Витьки или Анаит… Не боясь ничего. Прощаясь с летом, подставить крылья ветру и нестись навстречу неизвестности. А от страха, счастья и восторга вихрем вся жизнь проносится перед глазами. Планета летит и кружится, и я

вместе с ней.

– Хорошо у вас на даче, – наконец проговорила Анаит. – Не то что в городе. Я от скуки уже на стену лезу. Скорее бы учеба началась. Мне интересно, какие девчонки будут учиться со мной. И парни, конечно…

– Слушай, – перебила я. – А может, мне попытаться повзрослеть?

– Как это? – озадачилась Анаит.

– Ну, выйти из зоны комфорта.

– Каким способом? – рассмеялась подруга. – Нарвать с крыши яблок?

– Сбежать из дома! – выпалила я.

– Чего-о?

Анаит тут же перестала смеяться и нахмурилась.

– Что это ты задумала, Михайлова?

Иногда ее гнева я боялась больше материнского. Хотя моя мама особо и не повышала на меня голос. Вздохнув, я все-таки решилась рассказать Анаит о подслушанном разговоре, который состоялся между Богданом и моим братом.

– И ты хочешь ехать с ним? – ахнула Анаит.

– Он сам сказал, что ему будет в дороге скучно.

– Да он тебя пошлет куда подальше, ты в очередной раз разрыдаешься и будешь еще весь ближайший год страдать.

– Пошлет так пошлет, – сказала я дрогнувшим голосом. – Вообще все равно!

– Как же! – кипятилась Анаит. – Нет, Михайлова, никуда ты не поедешь. Тем более с этим чокнутым Богданом! У него же шило в одном месте, вы точно попадете в какие-нибудь неприятности. А ты у нас растение тепличное, к неприятностям не привыкшая…

– Надо же мне когда-нибудь взрослеть, – промямлила я.

– Но не под покровительством Волкова. – Отрезала Анаит.

– А под чьим покровительством? Под твоим?

Анаит проигнорировала мои вопросы. Просто продолжила невозмутимо грызть яблоко. В нашем дуэте подруга всегда была голосом разума, а я – эмоциями. Не помню, чтобы Анаит когда-нибудь паниковала или рыдала от отчаянья. Она была строгой, непреклонной, требовательной и ничуть не сентиментальной. Иногда мне даже хотелось найти ее ахиллесову пяту и понять, что может разжалобить или выбить из колеи мою подругу. Но Анаит – настоящая железная леди. Я же всегда могла разреветься из-за двойки или трогательного момента в фильме и, конечно, несколько раз плакала при Анаит из-за Богдана. Из-за моих слез подруга терпеть не могла Волкова. Поэтому моя новость о желаемом побеге совсем не обрадовала Ани.

– А вдруг я клин клином вышибу? – неуверенно продолжила я. – В эту поездку пойму, что он мне не пара.

– Скорее ты еще больше в него втрескаешься, – горько усмехнулась Анаит, выбрасывая огрызок. – Все, слезаем с крыши. Кажется, скоро дождь начнется.

Мы еще попили чай на террасе, а затем я проводила Анаит на электричку. По дороге к станции подруга рассказала о симпатичном парне, с которым познакомилась в «Тиндере» и теперь собирается идти с ним на свидание. От этих разговоров мне стало совсем грустно. Я-то одинока. Как ни крути, а все в этом мире сводится к любви. От моей же любви сердце разбивается на куски…

На пустом перроне я дала честное слово и клятвенно пообещала Анаит, что никуда не поеду. Мне даже пальцы не пришлось скрещивать при своей «клятве». Потому что, пообщавшись с подругой, я поняла, что идея сбежать из дома с Богданом – действительно так себе. Вряд ли он был бы рад увидеть меня

вместо Витьки. Да Волков бы откровенно посмеялся надо мной и отправил домой высыпаться дальше на летних каникулах.

К вечеру погода все-таки испортилась, и настроение совсем пропало. Еще и мама за ужином «обрадовала», что во вторник ей нужно к стоматологу, и мне придется следить за несносными близнецами, которые только и жаждали учинить какую-нибудь пакость. Услышав, что я останусь в качестве няньки, Надя и Илья счастливо переглянулись. Эти двое постоянно что-нибудь выдумывали. А свежий загородный воздух еще больше пьянил им головы. Я – не мама, надо мной можно жестко подшутить. Я легко взрываюсь, ору, иногда плачу от бессилия, а они ржут. Бандиты.

Дождь мерно стучал по крыше, царапал окна… После ужина я вышла на мокрую террасу. Дождевые капли с шумом скатывались с крыши. Даже не верилось, что еще днем мы с Анаит сидели наверху и грызли яблоки. Я снова и снова возвращалась мыслями к тому разговору. Почему мне никогда не живется спокойно? Вечно навыдумываю себе проблем и противоречий. Будто мне плохо здесь, на даче, рядом с мамой, вдалеке от забот и цивилизации… Вдалеке от Богдана. Я посмотрела на небо в надежде разглядеть новую стаю перелетных птиц. Но над нашей дачей лишь сгустились тучи и непроглядные августовские сумерки.

Не стала зажигать в своей комнате свет. Переодевшись в пижаму, пробралась к кровати. Дождь по-прежнему стучал в окно. Я отдернула одеяло и не сразу заметила, как на кровати что-то шевельнулось. Лишь укладываясь в постель, дотронулась до чего-то шершавого. «Что-то» тут же метнулось по белой простыне – я успела разглядеть это в слабом лунном свете. Тогда я, заверещав, вскочила с постели. Метнулась к выключателю, включила свет, поспешно сбросила с кровати одеяло и обнаружила ящерицу.

– Ма-а-ма-а! – заорала я что есть мочи.

Первой на пороге моей комнаты, запахивая полы халата, появилась мама.

– Что такое, Маюша, ты почему не спишь?

Затем в дверном проеме показались ржущие близнецы. Я тут же схватила подушку и пошла в наступление.

– Они! Они!.. Мама, они…

– Да в чем дело? – растерялась мама. Надька и Илья уже спрятались за спину родительницы, потянув ее за собой в коридор. Я выскочила следом. Скакала вокруг мамы с подушкой наперевес, чтобы зарядить ею Илье по голове. Наверняка это он придумал подбросить мне в постель ящерицу. Почему бы не изводить Витьку? Или его ненаглядную Ладушку? Нет же, со старшим братом и его невестой близнецы тише воды ниже травы, как и с мамой, а вот на мне отрываются. «Это потому что ты так на все бурно реагируешь», – говорила мама. А как же еще реагировать на их пакости? Хватило того, что в июне эти двое вообразили себя великими дизайнерами и перекрасили мою деревянную кровать в грязно-желтый. Вернувшись на дачу со вступительного экзамена, я чуть в обморок не упала, когда вместо кровати увидела это «нечто» цвета детской неожиданности с потекшими разводами. И вот, новая подлянка!

– Что происходит? – появился в коридоре заспанный папа.

– Сама не понимаю! – воскликнула мама, отбиваясь от меня и близнецов. – Кто-нибудь объяснит нам, что случилось?

– Они мне ящерицу в постель подбросили! – завопила я.

– Илюшка! – укоризненно покачала головой мама.

Илюшка обнажил два новоявленных коренных зуба. Папа переводил растерянный взгляд с близнецов на разъяренную меня.

– Иди и убери эту гадость из комнаты, – прошипела я Илье. – Пока она не заползла куда-нибудь в мои вещи…

– Думаю, во вторник ты не соскучишься, – внезапно развеселился папа, обращаясь ко мне. Точно! Мне же предстоит весь день выступать в роли няньки… – Так, все шагом марш в постель! Илья, тебя завтра накажем.

– Но это Надька придумала! – запричитал младший брат.

– Накажи их обоих, – посоветовала я.

Когда все наконец утряслось, Илье и Наде пригрозили самым страшным для них наказанием – лишением планшета, а младший брат утащил из комнаты ящерицу, я еще раз внимательно осмотрела постель, выключила свет и с головой накрылась одеялом. Но сон уже не шел.

Я ворочалась, вздыхала и постоянно думала о предстоящей поездке Богдана. Знала точно, что Витя не придет. После ночевки в школе брат больше не поддерживал безумные идеи друга, точно так же, как Анаит никогда не была в восторге от моих идей. Значит, завтра утром Богдан подкатит к шлагбауму, прождет там пятнадцать минут и, не встретив Витю, с тяжелым сердцем отправится один в это путешествие…

Я не выдержала. Откинула в сторону одеяло, вскочила на ноги и подошла к окну. Нужно снова проветриться. Я распахнула форточку. Дождь прекратился, и в комнату ворвался уже по-осеннему прохладный ночной воздух. Неужели погода испортилась, и лето безвозвратно ушло раньше срока? Все мне не на руку. Еще и близнецы наверняка доведут до белого каления во вторник. Ах, если бы мне можно было отдохнуть от них хотя бы несколько денечков! Я подбежала к письменному столу, на котором лежал телефон. Знала, что Анаит еще не спит. Наверняка переписывается с тем парнем из «Тиндера». В возбуждении я набрала ее номер и заметалась по темной комнате. Подруга взяла трубку после второго гудка.

– Михайлова, что случилось? – строго спросила Анаит. Будто я отвлекла ее не от СМС-флирта, а от важной лабораторной работы в тот момент, когда подруга смешивала опасные реактивы.

– Поздравляю, Ани, ты заболела! – выпалила я.

– Чего-чего?

– Вернулась домой, а температура под сорок!

– Сдурела?

– Тебе еще в электричке плохо стало…

– А-а?..

– Может, аллергия, отравление или просто продуло…

– Майя, с тобой все в порядке?

– Со мной – да! А вот с тобой – нет. А ты одна, совсем одна, родители в командировке… Как ты без помощи своей верной подруги, а?

– Нет, все-таки из нас двоих заболела именно ты!

Я наконец остановилась посреди темной комнаты и замолчала. Все это выпалила одним духом, боясь струсить и отступить.

– Алло, Майя, ты тут? Майя? Ты все-таки собралась сбежать с ним?

– Ани, прошу! Я туда и обратно. Всего несколько дней. Прикрой меня, пожалуйста!

Глава четвертая

Отпроситься у родителей на несколько дней к подруге оказалось на удивление просто. Даже несмотря на мое обещание посидеть во вторник с близнецами. Слава богу, Витя, не почуяв подвоха, сказал, что они с Ладой могут взять Илью и Надьку на себя. А если распогодится, заберут близнецов с собой в город и сводят в парк на аттракционы. Мама на это предложение только умилялась, какой у нас Витюша взрослый и сознательный. Но и меня похвалила, конечно. За то, что не оставляю подругу в беде.

Да, мне пришлось наврать с три короба, что родители Анаит уехали в отпуск, а подружку ни с того ни с сего подкосила простуда.

– Представляешь, мам, Ани в квартире совсем одна. Без сил. – Принялась рассказывать я с утра, поглядывая на настенные часы на кухне. В понедельник

домашние снова встали ни свет ни заря, и у меня еще оставалось время на сборы. В моей семье все поднимались рано, независимо от дня недели. Папа делал зарядку, принимал контрастный душ и громко распевал песни. Мама тут же бралась за готовку. Близнецы так носились по дому, будто до этого на ночь их поставили «подзарядиться». Все бодрые, выспавшиеся, счастливые… Понятия не имею, откуда у моей родни столько энергии. Я обычно по утрам напоминаю себе разбитое корыто из небезызвестной сказки Александра Сергеевича и вылезаю из-под одеяла самой последней. Однако сегодня у меня была веская причина вскочить вместе со всеми по будильнику.

– Бедная Анаит! Она хоть врача вызывала? – охала и ахала мама, готовя завтрак.

– Конечно. Доктор пропишет лекарства, а я прослежу, чтобы Ани приняла все вовремя. Она ведь такая растяпа!

Мама с подозрением посмотрела на меня. На самом деле самой настоящей растяпой в нашем тандеме была я.

Не сразу увидела на кухонном столе раскрытый глянцевый журнал, на развороте которого в рубрике «Светская хроника» красовалась тетя Ника – мама Богдана.

Родительница перехватила мой заинтересованный взгляд и вздохнула:

– Про свадьбу пишут. Витя говорил, что Богдан не в восторге от жениха.

– Он никогда ему не нравился, – пожала я плечами. – Но что Богдан может поделать? Это жизнь тети Ники, вряд ли она к сыну прислушается… Да, если честно, я и вспомнить никого не могу, кто бы Богдану понравился. Был ли вообще такой?

– Бедный мальчик, – покачала головой мама. – С детства брошенный. А у этого жениха… – мама кивнула на журнал. – Взгляд такой… Недобрый.

Я придвинула к себе журнал и принялась разглядывать седого мужчину, того самого, который любил играть в доме Волковых на фортепьяно. Конечно, в последнее время он сдал. А по сравнению со статной и ухоженной тетей Никой и вовсе выглядел стариком. Но на моей памяти это единственный мужчина,

который смог удержать строптивую актрису. А как долго он добивался ее любви… А может, и нет у нее чувств к этому мужчине?.. Во всяком случае, Богдан отзывался о дядечке-музыканте как о тщеславном и заносчивом типе, для которого тетя Ника – долгожданный трофей. А взгляд у него правда недобрый. Интересно, а какой взгляд у настоящего отца Богдана? Я слышала, как Волков сказал, что внешне очень похож на папу.

– Жаль, твой отец уже на работу уехал, – перебила мои мысли мама. – Подвез бы тебя.

– Ничего, сама доберусь, – заверила я, прикидывая, сколько у меня еще остается времени, чтобы добраться до шлагбаума. Не опоздать бы. От волнения меня начало подташнивать. А если Волков все-таки пошлет меня куда подальше? Тогда я точно разревусь. Поплачу, но домой не вернусь. Действительно, лучше поторчу несколько дней в городе у Анаит. Ее предки меня любят и против не будут. А Витька пусть близнецов в парк везет, как образцовый брат. Меня бы они только с ума свели, а с Витей не забалуешь. Ведут себя как шелковые.

– Только никаких попуток, Маюш! – строго сказала мама, глядя, как я поспешно уплетаю за обе щеки завтрак. – Дождись электричку. Ну, на крайний случай – автобус. Дольше до города будешь добираться, зато безопаснее.

Было жутко неудобно врать доверчивой маме, но по-другому я поступить не могла. Назад дороги нет. Слишком долго я настраивалась на этот побег. Тем более меня не покидало странное чувство, что в эту поездку я Богдану действительно пригожусь. В тот самый важный значимый момент его первой встречи с отцом я буду рядом. Я всегда рядом. Наконец он поймет, что я и есть его судьба.

И все-таки мама всучила мне банку с вареньем для «болеющей» Анаит. Пришлось упаковать ее в рюкзак. Ох, чуяла, что пошлет меня Богдан куда подальше, с вареньем этим… Сборы проходили в нервной обстановке. Я так боялась опоздать, что поскидывала в рюкзак все, что первое попалось под руку. Мысли метались и путались, сердце пускалось в галоп от волнения и страха. Будто я на самом деле была птенцом, готовящимся к своему первому в жизни полету.

Нацепила светлое платье, сверху накинула вязаный кардиган. Накраситься уже не успевала. Все еще пребывая в сомнениях, осмотрела напоследок комнату. Фух, Михайлова, выдохни! Всего четыре дня! Настоящее приключение с человеком, которого любишь всю свою сознательную жизнь. Наконец я закинула рюкзак за спину и вышла к лестнице. На ступенях едва не расшиблась, поскользнувшись на оставленной Ильей машинке, и, чертыхнувшись, все-таки порадовалась предстоящему побегу. Удрать из дома стоило только ради того, чтобы отдохнуть от непослушных близнецов и суетной атмосферы, которая царила в доме из-за предстоящей свадьбы Витьки и Лады.

Мама возилась у клумбы с пестрыми астрами, когда я вышла из дома в сад.

– Я поехала! – выкрикнула я. – Буду на связи. Если что, сама звони!

– Удачи, Маюш! Варенье взяла?

– Взяла, взяла! – Я поправила лямки от тяжелого рюкзака.

– Передавай привет Анаит. Пускай скорее выздоравливает!

– Угу! – покраснев, отозвалась я.

Нужно было удирать с участка как можно скорее. Тем более что Богдан уже должен приехать. Я бежала по протоптанной тропинке, ежеминутно поправляя лямки тяжелого рюкзака, которые неприятно впивались в плечи. Наверное, не стоило брать с собой столько ненужных маек, ведь я еду всего на несколько дней, а не на месяц. Еще эта банка с вареньем… Может, выложить ее? Оставить где-нибудь в кустах. Над головой громко свистели птицы, вдалеке послышался протяжный гудок локомотива. Я миновала дорожку, которая вела к платформе, и побежала дальше, к въезду в дачный поселок. От бега и волнения дыхание сбилось, и даже ладони вспотели.

Не добегая до шлагбаума, я затормозила. Сквозь зеленые, припорошенные дорожной пылью кусты увидела черную «Тойоту» Богдана. Волков вышел из машины и, прислонившись к капоту, смотрел что-то в телефоне. Скорее всего, он был уверен в том, что Витя не придет, но все равно цеплялся за возможную встречу с другом, как за спасительную соломинку. Наверняка в ту минуту ему было страшно, несмотря на то, что Волков вечно строит из себя безбашенного и

смелого парня.

Я замерла на месте и не могла отвести взгляд от профиля Богдана. Ветер трепал его светло-русые волосы. Волков был одет в серую толстовку и бежевые чиносы. На ногах – черные кеды. Я с жадностью разглядывала парня, так и не решаясь выйти из своего укрытия. Даже не знаю, сколько времени так простояла. Но вот Богдан вздохнул и убрал телефон в карман. А когда уже направился к водительской двери, я, словно очнувшись, рванула с места.

– Бо… гдан! Богдан! – завопила я, пытаясь перекричать стук взволнованного сердца. Так страшно, будто я зависла на самой верхней точке американских горок и вот-вот сорвусь вниз с высоты 25-этажного дома.

Волков обернулся и удивленно посмотрел на меня. Я, проклиная свою впечатлительность, тяжелый рюкзак, мамино вишневое варенье, принялась подниматься по небольшому склону к дороге, пыхтя, как паровоз. Под подошву коричневой сандалии попал камешек, и я запнулась. Для полного счастья не хватало только растянуться перед Богданом, как девять лет назад.

– Майя? – искренне удивился парень, дожидаясь, пока я к нему доползу.

– Доброе утро! – добравшись до Богдана, широко улыбнулась я. Хотела улыбаться уверенно, но, скорее всего, улыбка получилась до ужаса жалкой.

– Доброе. Ты здесь какими судьбами? – не понимал Богдан. – Тебя Витька прислал? Он сейчас придет, да?

В голосе – надежда.

– Нет, – огорчила я Богдана, покачав головой. – Я одна пришла.

– Ты за попуткой? В город? Извини, мне в другую сторону.

Богдан выглядел смущенным и снова непривычно растерянным, из чего я сделала вывод, что предстоящая поездка все-таки выводит его из равновесия. Будь я на его месте, отправилась бы на поиски отца, которого никогда не видела? Вряд ли… Я – трусиха!

Нечасто мне приходилось видеть Богдана таким потерянным. От жалости к нему и неизвестности у меня неприятно засосало под ложечкой.

– Я знаю, куда ты собрался! – выпалила я.

– Знаешь? – озадачился Богдан. – Откуда же?

– Подслушала, – нехотя призналась я. Под конец их разговора Витька так разорался, что грех было не услышать, о чем говорят парни. Наверное, даже соседи в курсе.

Богдан выжидающе смотрел на меня. Мне вдруг показалось, что вокруг стало непривычно тихо. Только верхушки сосен поскрипывали от ветра, да сердце выбивало ритм, словно с ума сошло. Воображаемая тележка американских горок, протяжно и неприятно взвизгнув, зависла над землей. Что ждет меня впереди? Только от одной этой мысли захватывало дух. И все-таки я решилась. Раз! Тележка с грохотом ухнула вниз и на сумасшедшей скорости полетела в неизвестность…

– Возьмешь меня с собой?

– С собой? Куда? – растерялся Богдан.

– Ну как куда? – почему-то начала сердиться я. От волнения, наверное. – К твоему отцу.

– А зачем?

Волков сделался еще более растерянным.

– Ты же сам говорил, что тебе одному будет скучно.

– Да, но я хотел ехать с Витей.

Я нервно рассмеялась.

– Будем честны: Витя – не самый лучший попутчик. С ним ты, скорее, уснешь за рулем от занудства.

– Да? А с тобой? – Насмешливый тон Богдана меня немного насторожил.

– А со мной весело, – ответила я. Да, веселья через край. Стою перед Волковым кислая, запыхавшаяся, с тяжелым рюкзаком за спиной. Лямки неприятно в плечи впились… Чертово варенье! Как Анаит не вовремя «заболела».

– В этом я почему-то не сомневаюсь, – кивнул Богдан.

– Мне очень надо уехать! – принялась на ходу сочинять я. – Дома такой кошмар. Родители невыносимые! Жизни мне не дают.

Богдан смотрел на меня с подозрением. Да по моим маме и папе плачет премия «Родители года». А единственный кошмар, который может поджидать дома, – это манная каша на завтрак. Почему-то у мамы она все время выходит с комочками.

Разумеется, Богдан мне не верил.

– Ладно, Майя, рад был тебя видеть. Не знаю, что ты задумала, но счастливо оставаться. Вите привет. Передай брату, что я на него не в обиде.

И Волков распахнул водительскую дверь. Я только растерянно захлопала глазами. Богдан сел на свое место, молча завел машину, врубил музыку. Из колонок донесся новый альбом Нэса, Витька его дома уже до дыр заслушал. Я рванула к машине и, перегородив дорогу, уперлась ладонями в капот. Будто, в случае чего, могла остановить тачку на ходу, как супергерой. Сама от себя такой прыти не ожидала. На секунду мне показалось, что я наблюдаю за всем происходящим со стороны.

Богдан убавил музыку и высунулся из окна.

– В чем дело?! Совсем сдурела?

– Возьми меня с собой, – упрямо повторила я, чувствуя, как уже предательски защипало в носу.

– Витяй меня убьет.

– Он в курсе! – тут же запальчиво выкрикнула я. Снова вру. – И совсем не против.

– Ну да, конечно, – хмыкнул Богдан, даже не собираясь глушить мотор. – «Витя» и «Не против». Что-то это совсем на него непохоже.

– Богдан, пожалуйста! – просила я. Как же все глупо! Я вот-вот разревусь посреди пустой трассы. Первый побег, выход из зоны комфорта… И такой облом.

– Майя, отойди, ради бога, пока я тебя не переехал, – серьезно сказал Богдан.

– Переезжай! – разрешила я дрогнувшим голосом.

Машина легонько дернулась. Волков вздумал меня напугать, но не тут-то было. Мысли заметались в хаотичном порядке. Нужно было срочно что-то предпринять!..

Иногда любовь толкает на самые отчаянные и безрассудные поступки. Вместо того чтобы наконец отойти от машины, я, снова неожиданно для себя, уселась на капот и скрестила руки на груди.

– Майя, твою мать, слезай и иди домой! – Богдан снова высунулся из окна и на сей раз уже рассердился не на шутку.

Но я упрямо молчала, глядя перед собой. Вдоль дороги расположились могучие старые сосны. Именно на них я и уставилась. Чего же еще не хватало для полного «счастья»? Разумеется, сделать то, что получается у меня лучше всего на свете – разреветься.

Богдан включил аварийку и осторожно тронул машину с места. Так мы не спеша двинулись по дороге. Я – в своем светлом платье и кардигане, словно свадебная кукла на капоте черного автомобиля. В этот час машин на не самой оживленной трассе было немного, но те редкие водители, которые проезжали мимо,

наверняка смотрели на происходящее с интересом. От проступивших слез зеленые сосны смешались с пасмурным темно-синим небом. Богдан наконец остановился и посигналил. От неожиданности я подскочила на месте, но с капота не слезла. Только горячие слезы пуще прежнего покатились по щекам.

Я услышала, как громко хлопнула дверь, и уже внутренне сжалась, предвкушая, какую взбучку мне устроит Волков.

– Михайлова, какого черта происходит? – закричал он, обходя машину. Резко остановился, увидев мое зареванное лицо. Выругался. – Только этого мне не хватало! Что с тобой?

– Пожалуйста, Богдан! – снова взмолилась я, спрыгивая с капота. – Возьми меня с собой. Мне очень нужна эта поездка!

Богдан внимательно разглядывал мое лицо, а я, не смущаясь, заглядывала в его зеленые глаза.

– Правда, такие проблемы дома? – осторожно спросил он.

Я только закивала головой.

– И с чего вдруг? Какая вас там муха укусила?

– Мне просто нужно развеяться. Я сказала маме, что поживу у подруги, – быстро начала я. – У Анаит… Мы ведь только туда и обратно? Обещаю, я не буду мешать! Я вообще это… удачу приношу! Как талисман. Собачка.

– Какая, блин, собачка? – не понял Богдан. Мы еще никуда не уехали, а я, кажется, его уже утомила.

Вместо ответа я молча закачала головой на манер игрушечной собаки, которую дедушка когда-то устанавливал на торпеде своей машины. Над нами нависла напряженная тишина. Через несколько секунд Богдан первым расслабленно рассмеялся. За ним и я захохотала сквозь вновь проступившие слезы. Перенервничала.

– Ладно. Мы правда туда и обратно… Давай сюда рюкзак.

Я выдохнула, с радостью скинула рюкзак и протянула его Богдану.

– Тяжелый, – покачал головой парень. – Ты что, туда кирпичей наложила?

Я пока решила промолчать про мамину банку с вареньем.

– Там все самое необходимое на четыре дня, – сдержанно отозвалась я, направляясь к переднему пассажирскому сиденью. Мне не верилось, что все получилось. Богдан согласился взять меня с собой!

Первые два часа мы ехали молча под первый альбом Placebo. Богдан был задумчивым и непрерывно следил за дорогой. Я же вертела головой, разглядывая то зеленые перелески, то неописуемые бескрайние поля. Машин на трассе было по-прежнему немного. Когда же мы шли на обгон и из поля зрения пропадали другие автомобили, мне казалось, что мы с Богданом одни на всем белом свете. При этом меня не покидало ощущение, что никогда раньше я не была такой счастливой, как сейчас. Я открыла окно, и ветер тут же ворвался в салон, принялся трепать мои распущенные волосы. Я, Богдан, «I know» в колонках… Я вытянула руку, словно пытаясь ухватить тугие струи ветра. Мы одни, совершенно одни на тысячи километров…

Вся идиллия разрушилась, когда Богдан выключил музыку и нажал на кнопку стеклоподъемника. С жужжанием поползшее вверх стекло едва не прищемило мою танцующую руку.

– Эй, ты чего? – возмутилась я.

– И все-таки, ты уверена, что Витяй не против, что ты отправилась со мной?

Все это время обычно разговорчивый Богдан был задумчивым и сосредоточенным. Это он из-за Витьки такой нахохленный? Было б из-за кого переживать!

– Уверена! – сердито буркнула я, уставившись в окно. Если Богдан вздумает позвонить моему брату… Хотя, с другой стороны, мы отъехали на такое большое

расстояние, не высадит же теперь меня Волков посреди трассы. Нужно было срочно перевести тему разговора. Разглядывая незнакомые мне полевые цветы, я сказала: – Люблю гипсофилу.

– М-м? – Богдан, оторвавшись от созерцания трассы, с удивлением посмотрел на меня. – Кого ты любишь?

– Гипсофилу, – ответила я. – Растение такое. С маленькими цветочками. Я видела их в детстве, когда мы ездили с семьей на Кавказ.

– Странное название, – сказал Богдан. – Похоже на муху дрозофилу.

– Сам ты муха дрозофила, – рассмеялась я. – Из него классные букеты получаются. Знаешь, некоторые считают, что это сорная трава, а мне кажется, это самые лучшие цветы на свете. Они похожи на маленькие звездочки…. На целые созвездия.

Богдан снова молчал. Тогда я с энтузиазмом продолжила:

– У этих цветков есть еще народное название: «Дыхание ребенка». Прикольно, правда?

– И ты еще называла своего брата занудой? – поглядывая на меня, с улыбкой спросил Богдан. – Ребенок.

– Да ну тебя! – надулась я.

Тогда Волков рассмеялся и обидно потрепал меня по волосам, будто я была щенком, которого он взял с собой в путешествие и усадил рядом на переднее сиденье.

Первая наша остановка состоялась у заправки с небольшим придорожным кафе. Богдан заправил машину, а затем переставил ее на обочину и отправился за едой. Расплатившись, вышел на улицу с двумя хот-догами и колой. Впервые за день выглянуло солнце, которое вдруг еще и вздумало припекать.

– Держи. В туалет не хочешь? – спросил Богдан, оглядываясь по сторонам.

Я лишь помотала головой и впилась зубами в хот-дог с кетчупом и горчицей. Почувствовала, как острый соус коснулся кончика носа и щеки. Честно говоря, было плевать. Я так оголодала! Это все из-за нервов.

– Наверно, второй хот-дог – тоже для тебя? – озадаченно спросил Богдан, глядя на то, с каким аппетитом я уминаю наш обед.

– Ох, нет-нет! – запротестовала я, быстро жуя. – Я не офень-то и говодна! Так… вегкий певекус…

Богдан еще какое-то время смотрел, как я ем (чем, в конце концов, все-таки очень меня смутил), а затем принялся за свой хот-дог. Опершись о капот машины, мы обедали на свежем воздухе. Недалеко от нас притормозил красный «Цивик». Оттуда вышла длинноногая блондинка, которая, оглядев свою машину со всех сторон, будто впервые ее увидела снаружи, принялась кому-то звонить. Богдан тут же уставился на блондинку, а я стала лихорадочно соображать, чем же его от нее отвлечь. Ну серьезно! За все время дороги мы обсудили лишь гипсофилу… А ведь в моих планах было влюбить Богдана в себя до приезда к его отцу. Что Волков знает обо мне? Да ровным счетом ничего! За все эти годы мы наедине-то ни разу толком не оставались, вечно рядом вертелся Витька. И если Богдан что-то и узнавал обо мне, то только со слов брата. Информация эта была не самая актуальная и интересная. Что-то из разряда: «Извини, Богдан, опоздал. Мама в аптеку послала, у Майки, оказывается, аллергия на мед. Так раздуло беднягу. Лицо – с дыню!» Нет, все, что знал до этого обо мне Волков, категорически не подходило для того, чтобы без памяти влюбиться. А между тем блондинка могла испортить все дело.

Поговорив по телефону, девушка убрала его в сумочку и снова обошла свою машину. Затем села в салон и, сложив руки на руле, опустила голову. Богдан даже про хот-дог позабыл. В его зеленых глазах разгорелся интерес. Нужно было срочно брать инициативу в свои руки. И тогда я решила действовать.

Глава пятая

Мне не пришло в голову ничего лучше, чем отвлечь Волкова своей болтовней. Конечно, можно было пойти в наступление и начать флиртовать. Но как? Это я себе слабо представляла. Я и с парнями-то ни разу не кокетничала. Мой флирт больше походил на вопросы из девчачьей анкеты:

– Кто тебе больше нравится: собаки или кошки?

– Ни те, ни другие, Майя.

– Но почему? Собаки милые. Добрые, преданные. И коты классные! Всегда мечтала завести кота. У бабули есть кот, старый-старый уже. Кокос. Может, Витька тебе про него рассказывал.

– Не помню уже.

За несколько часов, что мы ехали молча в машине, у меня накопилось много тем для разговоров. И вот теперь, почуяв, что Богдан с минуты на минуту сорвется с моего крючка и потащится знакомиться с блондинкой на «Цивике», я взволнованно тараторила без остановки. С Кокоса перескочила на дальние путешествия, перечислила, где сама успела побывать за последние несколько лет, порадовалась, что в дороге меня не укачивает… «Это бы нам обоим было не на руку!» Но Богдан слушал меня невнимательно, вполуха, будто рядом с ним на заправке просто жужжала муха.

– Хот-доги были вкусными, – наконец кисло сказала я.

– Горчицы много, – проворчал Богдан, все еще поглядывая в сторону машины блондинки. Девушка по-прежнему с задумчивым видом сидела за рулем.

– А я люблю горчицу.

Богдан снова посмотрел на мое лицо.

– Я заметил, – усмехнулся он, немного помолчав. – Она у тебя даже на щеке осталась.

Я, покраснев, отвернулась и быстро вытерла ладонью щеку. Конечно, куда мне соперничать с длинноногой блонди? Она взрослая, красивая, тачка вон у нее своя… Красная. А у меня что? У меня горчица на щеке.

– Я больше сладкое люблю, – сказал Богдан, впервые решив поддержать нашу «светскую беседу». И наконец доел свой хот-дог. – Десерты.

– У меня есть в рюкзаке банка с вареньем, – с готовностью проговорила я, забыв, что хотела сделать из этого секрет.

– Серьезно? – покосился на меня Богдан.

– Разумеется, серьезно! Думаешь, почему рюкзак такой тяжелый?

Богдан хрипло рассмеялся.

– Люблю тебя, Майя, – сказал он. Я почувствовала, как радостно и громко заколотилось сердце. – Ты забавная.

Блондинка тем временем снова выбралась из своей машины и с недовольным видом открыла капот.

– Так и думал, что у нее тачка сломалась, – быстро проговорил Богдан.

– А? – растерялась я, все еще находясь словно в тумане от его «люблю тебя, Майя», которое, конечно, ничего не значит.

– Сейчас приду.

Богдан с готовностью направился к красному «Цивику».

– Ты куда? – плаксивым голосом спросила я.

– Подожди в машине, пожалуйста, – не оборачиваясь, бросил Богдан.

Пришлось садиться в тачку. В отличие от улицы, в салоне было душно. А еще с переднего сиденья открывался отличный вид на новоявленную парочку. Блондинка, завидев Богдана, сразу приосанилась, выпятила грудь внушительного размера и начала ослепительно улыбаться. Некоторое время они о чем-то говорили, и я пожалела, что не умею читать по губам. Еще и солнце слепило. Я опустила «козырек» и впилась глазами в Богдана. Вот он стянул через голову серую толстовку, оставшись в светлой клетчатой рубашке. Повязал толстовку на бедра, закатал рукава и склонился над капотом. Ни дать ни взять – механик! Уверена, что Богдан ничего не понимает в машинах. Но блондинка поглядывала на Волкова с восхищением. Знала бы она, что он учился на актерском, сразу бы свою восторженную варежку захлопнула. Блондинка тоже заглянула в открытый капот, что-то сказала Богдану. Они переглянулись и рассмеялись, словно старые друзья. А я зубами от злости скрипнула.

Не знаю, сколько Богдан провозился с машиной блондинки, но время тянулось мучительно медленно. Волков даже не столько «чинил» тачку, сколько трещал с длинноногой. Со своего «наблюдательного поста» я видела, как блондинка, кокетливо накручивая светлую прядь на палец, что-то втирала Богдану. Лицо Волкова сияло улыбкой.

Мне надоело смотреть на их флирт, но и ничем другим заниматься я не могла. Посмотрела на телефон: связь здесь не ловила. Вот проклятье. Будем надеяться, что мама по уши в работе по саду или разгребает последствия проделок близнецов и не вздумает мне сейчас звонить. Если что, скажу, телефон разрядился.

В салоне становилось все жарче, а кондиционер в незаведенной машине я включить не могла. Богдан, вообразив себя Чипом, поспешил на помощь Гайке, забрав ключи от машины с собой. Хотя мышка из мультика – сама механик. Значит, Богдан вообразил себя Гайкой и… О чем я думаю? Я вздохнула и снова присмотрелась к парочке. Вот Волков склонился над машиной, а блондинка потянула к нему свою граблю с ярким маникюром, легонько коснулась предплечья парня. И, судя по довольной улыбке Богдана, такое развитие событий ему нравилось. Что там вообще происходит? Наверное, именно так и начинаются все эти фильмы для взрослых. Не выдержав, я со всей дури нажала на клаксон. Получилось громко. Я сама такого звука не ожидала. Богдан дернулся и ударился головой о крышку открытого капота. Блондинка звонко расхохоталась. Волков впился в меня сердитыми зелеными глазами. Тогда я сделала лицо «кирпичом» и поманила его пальцем. Богдан что-то недовольно

сказал блондинке, та тут же засеменила к водительскому месту. Села в машину, включила зажигание. Мотор завелся, громко и счастливо затарахтел. Не дожидаясь благодарностей, Богдан быстрым шагом направился к своей машине. Мое сердце бешено застучало. Волков рывком распахнул дверь и плюхнулся на водительское место.

– Ну и что это было? – сердито спросил он, заводя машину.

– Когда? – изобразила я удивление.

– Да буквально пару минут назад, – ответил Богдан все тем же недовольным голосом. – Не припоминаешь?

– Не-а, – отозвалась я, пристегиваясь. – Что-то ничего такого в голову не приходит.

– На фига ты сигналить начала? – Парень вырулил с заправки. Блондинка во все глаза смотрела в нашу сторону, но Богдан, не глядя на нее, выехал на дорогу. Я проводила оставшийся вдалеке «Цивик» взглядом победителя.

– А, ты про это, – наконец отозвалась я. – Тебя долго не было! Мне стало душно. Кондиционер в машине не работал!

– Слабо было оставить двери открытыми? – задал резонный вопрос Богдан.

Я промолчала. Ишь какой умный! За окном мелькали деревья. Богдан с сосредоточенным видом вел машину. Потом дотронулся до своей макушки и, будто снова вспомнив все события, сердито произнес:

– Наверняка шишка будет.

– Ох, мне очень жаль, – не слишком искренне отозвалась я.

Мы недовольно переглянулись. И снова ехали молча. Только на сей раз причиной стала не задумчивость Богдана. Теперь вся «соль» была в другом. Мы поссорились. Впервые в жизни поссорились! И это открытие меня почему-то обрадовало. Мы вышли на новый уровень. Наши взаимоотношения двинулись

дальше, чем: «Майя, привет! А Витя дома?» Мы теперь выясняем отношения! Ну, выясняем – это громко сказано, конечно. И все-таки…

Итак, что мы имеем: разговоры про гипсофилу, котов, мой крепкий вестибулярный аппарат и набитую шишку Волкова. Что ж, за первый день общения это не так уж много… Нет, надо же! Мы поссорились. С ума сойти! Это так непривычно и ново для меня. Я не смогла сдержать улыбку.

– Чего ты веселишься? – покосился на меня Богдан.

– Вспомнила, как ты котелком своим приложился, – хихикнула я.

– Да уж, – покачал головой Богдан.

– Эпично вышло.

– Не то слово.

– Такой бряк! На всю заправку!

– Ну, все-все, – попытался угомонить меня Богдан. Он по-прежнему старался казаться обиженным, но я видела, как его губы тронула слабая улыбка. – Рад, что поднял тебе настроение.

Дальше разговор потек уже в привычном для меня направлении. Пытаясь наверстать упущенное за день, я снова болтала без умолку. Кто лучше: собаки или кошки, сладкое или соленое, драмы или комедии, зима или лето?..

А за окном друг друга сменяли столбы, придорожные супермаркеты, бесконечные заправки, редкие деревеньки, желтые поля…

– Ты всегда столько болтаешь? – удивлялся Богдан. – Не замечал раньше за тобой такого.

– Ты ведь Витьке жаловался, что будет скучно в дороге, – отвечала я, беспечно пожимая плечами. Сама была не в силе остановить этот словесный поток. Мои вопросы казались наивными и глупыми. Но я впервые так надолго осталась с

Богданом наедине, поэтому мне хотелось узнать о нем абсолютно все. Волков отвечал на мой «блиц» кратко и сдержанно. Наверняка пытался отвлечься от тех мрачных мыслей, которые снова поселились у него в голове и касались будущей встречи с отцом. Вот так на время переключился на блондинку, а потом парня снова «подгрузило».

Когда начало темнеть, всеобъемлющая пустота и величественность бескрайних полей уже не казались мне такими вдохновляющими. В сумерках ехать стало почему-то неуютно. Еще и встречные фуры время от времени слепили глаза.

– Долго нам еще? – спросила я, подавляя зевок.

– Нужно найти ночлег, – ответил Богдан, устало почесав переносицу.

– Мы будем ночевать в настоящей гостинице? – с энтузиазмом отозвалась я. Вот это дорвалась до свободной взрослой жизни! Нет, конечно, я и раньше ночевала вне домашних стен. Например, у бабуленьки. Или у Анаит. Но вот так, одна, за несколько сотен километров от родной постели…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lavrinovich_asya/ty-moe-schast-e

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити